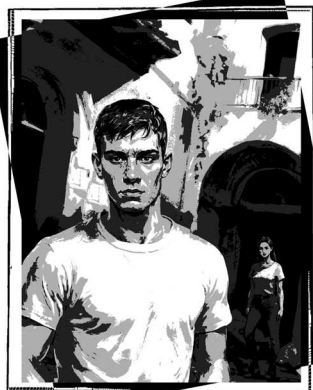

Братья по улице

Романы о подростковых
бандах позднего СССР

Андрей Орлов

Честь пацана

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Художник — *Павел Магась*

Орлов, Андрей Юрьевич.

О-66 **Честь пацана / Андрей Орлов.** — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Братья по улице. Романы о подростковых бандах позднего СССР).

ISBN 978-5-04-202014-8

Андрей Шефер по прозвищу Шериф, отслужив в десантных войсках, возвращается домой. На дворе — конец восьмидесятых, жизнь в стране перевернулась с ног на голову. В Казани бушуют «пацанские» войны. Территория города поделена на части, в каждой правит своя банда, возглавляемая старшаком.

Друзья предлагают Андрею вступить в их группировку. Но он не спешит принять предложение, планирует сначала закончить учебу в институте. Накануне экзаменов Андрей знакомится с красавицей Гульнур. У них завязываются серьезные отношения, рождаются совместные планы. Но все в одночасье рушится на вечерне танцев в местном клубе: жестокая драка, вооруженный наряд милиции, стрельба, случайно пролитая кровь...

После этого Шерифа как подменили. Он соглашается возглавить самую отпетую в городе группировку и объявляет войну сразу всем своим недругам...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202014-8

© Орлов А.Ю., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как я влез во все это?

— А хрен его знает, товарищ майор.
Как-то влез...

Я вырос в полной семье, в любви и гармонии. Отец, Андрей Васильевич Шефер, преподавал научный коммунизм в Казанском госуниверситете, возглавлял кафедру с одноименным названием. Мама трудилась секретарем в деканате того же вуза. Имелась сестра Светка — малолетняя вредина, моложе меня на шесть лет. Домашняя обстановка не напрягала. Мама — тихая и заботливая. Отец тоже не вводил в семье строгие порядки. Но профессия все же накладывала отпечаток. Любил поучать, пусть и не назойливо, читал лекции в домашней обстановке — каким ценностям поклоняться и с кого брать пример. Воспитывал меня в духе законопослушания и поиска справедливости. Не всегда эти вещи сочетались, но тогда еще я об этом не знал. В 84-м, когда я перешел в десятый класс, мы переехали из Казани в Уфу — отца назначили проректором по учебной части тамошнего универа. Дали ведом-

ственную квартиру в центре, хорошую зарплату. Маме тоже нашлась работа. Там я окончил школу с сопутствующими «университетами», выучился драться в секции по боксу, получил первый опыт интимных отношений. Аттестат о среднем образовании был неплох, всего лишь две тройки: по химии и по труду. Химичкой была злобная малообразованная девственница — вместо «молекула» говорила «молёкула». А в радиоделе я был непроходимый дуб. В том же году с легкостью поступил в тамошний электротехнический институт на факультет машиностроения. Отучился целый год, скучно стало, понял, что это не мое. Перебивался с двойки на тройки, просто не мог себя заставить учиться. «Профессиональное выгорание, Андрей Андреевич? — ехидно осведомился декан, ставя мне недопуск к сессии. — С вашим именем и отчеством следует ответственнее относиться к жизни». Андрей Андреевич Громько уже не был министром иностранных дел, но остался в памяти народной. Как говорили в нашей среде: «Если хочешь стать солдатом, обругай декана матом». Я не стал это делать, воспитание не позволило. Знал, что все равно призовут. Папа не помог, не имел соответствующих связей, да и не стал бы я ими пользоваться. Два года пролетели, служил в Пскове, мама в Уфе молилась, чтобы не отправили в Афганистан. Так и не отправили. А я был не против послужить стране на поле боя. Так что по горам за душманами не бегал, но подготовку по-

лучил основательную, плюс занятия по самбо, тот же бокс. Вернулся — в дембельском сиянии, в зеленом берете, заломленном на макушку, — ахнула подросшая Светка, прилипла ко мне как пиявка. Прослезился отец, рухнула в объятия мама. Из зеркала смотрел осанистый светловолосый парень при полном неуставном параде...

В армии казалось, что только вернешься — и весь мир упадет к твоим ногам. Реальность оказалась сложнее. В целом неплохо, но... Родители настаивали, чтобы я продолжал учебу: восстановился, кое-что досдал. К тому и склонялся. Но время было, устроился в закрытый НИИ учеником слесаря. Приятно было осознавать, что и моя мелочовка, выточенная в тисках, летает где-то в космосе...

В подобных учреждениях в этот год выплачивали бешеные премии. Почему? Загадка. После трех месяцев работы суммы в квитках стали зашкаливать. Оторопь брала, неужели коммунизм настал? Но в магазин заглядывали — нет, все в порядке, еще не настал. Покупать, как и прежде, было нечего. У населения скопились излишки денежной массы, и если вдуматься, ничего хорошего в этом не было. Все сносное приобреталось на базарах и барахолках, и цены там были космические. Но работать мне нравилось, и все чаще возникала предательская мысль: а счастье ли в высшем образовании?

Неприятности уже подкрадывались. Заболел отец. В диагнозах я не разбирался, но что-то

было не в порядке с кровью. Мать с отцом твердили хором: все хорошо, просто устал, болячка несерьезная. Но ходили как в воду опущенные, и однажды правда вылезла: рак крови. Слава богу, что начальная стадия. От Светки скрывали, но она росла не душой и зрение имела хорошее. Мама украдкой плакала, отцу все труднее было передвигаться. Он пока еще ездил на работу, но каких усилий это стоило. Дважды вызывали «Скорую» — что-то кололи, капали. И вдруг ремиссия, решили, что отпустило или лечение у знакомого хирурга дало плоды. Но неприятности по одной не ходили — умерла бабушка, мать отца, оставшаяся в казанской квартире. Он один уехал на похороны, меня не отпустили с работы, вдруг решили, что бабушка — не самый близкий родственник. Отец вернулся через четыре дня — опустошенный, надломленный. С казанской квартирой ничего не случилось, соседи приглядывали. Отец уволился в 52 года — сил работать не осталось. Дали инвалидность, какую-то ежемесячную выплату. На семейном совете решили вернуться в Казань. Мнение детей, разумеется, не учитывалось, поставили перед фактом. Я не был готов к самостоятельной жизни, невзирая на двадцать два года. Пугала перспектива самому готовить, убирать, стирать, гладить. Светка митинговала — к своим шестнадцати обзавелась в Уфе подружками и даже парой поклонников (с одним пришлось всерьез разбираться, чтобы не налегал). Для меня же переезд прошел безбо-

лезненно — неразлучных друзей не нашел, с девушкой разругался. В середине апреля 89-го мы вернулись в наш родной со Светкой город, на Крутую Горку — так назывались улица и район. Заехали поздно вечером, контейнер прибыл только в девять, устали как собаки. Таскали баулы, хорошо, хоть не мебель — она оставалась в квартире. Мы ехали по темным улицам, с трудом узнавая родные места. Город не похорошел. Обособленный жилой массив на юге Приволжского района — с выходом к Волге, или, если угодно, к Куйбышевскому водохранилищу, несколько девятиэтажек, прижатых друг к дружке, старенький клуб, футбольное поле, училище, техникум, небольшой частный сектор, — а за ними огромная масса воды... Не сказать, что я ничего этого не помнил, но все же стал подзабывать.

Пока выгружали вещи в свете тусклой лампы над входом в подъезд, поодаль шевелились тени, за нами наблюдали, но не подходили. Лица людей прятались в сумраке. Становилось не по себе, невольно сжимались кулаки. Хотелось закрыть собой Светку, которая тоже что-то чувствовала и ежилась. О том, что творилось в Казани в 80-е годы, знали все. Казань наводнили молодежные банды — десятки, может, сотни. Город разделился на зоны влияния, каждую контролировала своя группировка. Постоянно случались массовые драки — подростки делили асфальт. Проводились набеги, отвоевывались новые земли. В каждом

доме, в каждом квартале, в каждом районе были свои конторы. Специфика разная — где-то жестче, где-то мягче, но суть одна. Бандитская зараза накрыла саваном мой город. Пацаны себя бандитами не считали, называли свои группы бригадами, конторами, заявляли, что защищают свою улицу, избавляют район от чужаков, но фактически это был криминал. В чужом районе появиться постороннему пацану — смерти подобно. В лучшем случае обернут, разденут да еще и наkostenяют, а в худшем — убить могут. Милиция с этим злом не справлялась, да и не было у нее большого желания что-то менять. Периодически самых рьяных отлавливали, заводили дела, кого-то сажали. Но это было каплей в море, ситуация усугублялась. Я был далек от этого, криминальная жизнь не прельщала. Представить себя членом банды я не мог и в кошмарном сне. До поездки в Уфу как-то обходилось без особых эксцессов — район в Казани, где мы жили, был не самый лютый, работала милиция, комсомол. Инциденты, конечно, случались, но не часто. О том, что творилось сейчас, я имел смутное представление, ориентировался по рассказам людей, побывавших в Казани...

Настроение в этот вечер было так себе. Мы блуждали по пыльной четырехкомнатной квартире, запинались о разбросанные вещи. Мама устало шутила: «Вот и спустился табор с неба». Отец неважно себя чувствовал, ушел отдыхать. Светка сидела на тахте в своей комнате, грустно

разглядывала стену. Подросла моя сестренка, уже не была такой шепутной и легкомысленной. Что-то новое в ней появлялось, как бы даже не женское: оформилась, мордашка стала миловидной, волнистые волосы хорошо смотрелись. Теперь я должен был ее защищать — от всех ужасов внешнего мира. Сердце защемило, я опустился рядом на колени, щелкнул ее по носу. Сестрица вздохнула, в голубых глазах заблестели слезы.

— Так, отставить тоску, — приказал я, — Чего разнюнилась? Прорвемся, Светка, где наша не пропадала? Будут и друзья, и приятные события. Ты, главное, меня держись, и, это самое, Светка... постарайся в ближайшие дни из дома не выходить, я изучу обстановку. А потом сходим в школу, запишем тебя... постоянно забываю, в каком ты классе?

— Да ну тебя. — Светка оттолкнула меня, улыбка мелькнула между капельками слез, ползущими со щек.

Мне самому было крайне неудобно. Я сидел в своей комнате, по примеру Светки созерцал противоположную стену. Прибираться не хотелось. Потом когда-нибудь. Все оставалось как раньше — софа, шкаф, книжные полки, забитые той же продукцией, что и шесть лет назад. Стационарный ленточный магнитофон «Комета-212», который я не стал брать в Уфу. На стене когда-то висели плакаты «Машины времени», группы «Воскресенье». Сейчас там ничего не висело, видимо, бабушка приложила руку. Музыкальные приоритеты поменялись, детище Андрея Макаревича уже

не интересовало. Все доброе, что он мог спеть, уже спел. Я обожал «Крематорий» Армена Григоряна — до дыр заслушивал его «Мусорный ветер», ценил «Наутилус», Юру Шевчука с его «Домом детского творчества» (или «Дутом для тараканов», неважно). Кассетник на батарейках постоянно таскал с собой, слушал, если была возможность. Сегодня ничего не хотелось. Родители уgomонились, решив начать завтра «разбор завалов», за стеной вздыхала Светка. Я полежал на софе, забросив руки за голову, — мечтать было не о чем, поэтому поднялся, стал метаться как лев по клетке. Подошел к окну, отогнул штору, открыл створку, покурил. Известие о том, что их сын курит, родители приняли стоически. Не самая плохая новость. Курение, возможно, и вредило моему здоровью, но жизнь не портило и даже в армии не помешало стать отличником боевой и политической подготовки. До смешного доходило: парни накуривались до отвала, а потом бежали 10 км с полной выкладкой и с набитыми кирпичами вещмешками. Я высунулся на улицу, проветрил голову. Снег в Казани почти сошел, только под домами да в тени еще чернели сугробы. С высоты пятого этажа просматривалась хоккейная коробка между домами. За бортом чернели головы, доносился сдавленный смех. Лед, как видно, уже растаял. Слева от коробки — детская площадка, выделялись очертания качелей. В доме напротив гасли огни, жители Казани ложились спать. Слева, по частному сектору, еще сновали огоньки машин.

С коробки прозвучал сдавленный визг — словно кого-то душили. Следом — взрыв хохота. Я закрыл окно, рухнул на софу...

Утро было серое, тусклое, набежали тучи. Меньше всего на свете хотелось встать. Родители подавали признаки жизни, шлепали тапки по коридору, на кухне что-то шипело и бурчало. Из Светкиной комнаты проистекали подозрительные звуки — похоже, сестрица грызла стенку. Через час я сделал вылазку — невозможно сидеть в четырех стенах. Вышел на лестничную площадку, захлопнул дверь. Не успел сделать шаг, как отворилась дверь соседней квартиры, высунула нос девчонка лет четырнадцати — коротко стриженная, с серьезным лицом. Я остановился, она в тапках вышла из квартиры, смерила меня внимательным взглядом.

— Фу, — выдохнула соседка. — Аж холодок закрался в организм...

— Ты кто? — спросил я.

— Да блин, Алиса я, — сообщило божье создание. — Ты еще сидел со мной, когда у родителей форс-мажор случался. Ты тоже, Андрей, изменился, но пока узнаваем.

— Батюшки! — ахнул я. — Алиса! Ты во что превратилась?!

— Все так плохо? — Девчонка втянула голову в плечи.

— Да выросла ты! — Я действительно не верил своим глазам. — Ты же мелкая была, шпендик такой шкодливый и непоседливый!

— Ага, и всем хотелось, чтобы я такой и осталась. — Девчонка хмыкнула. — Фиг вам, мне тоже нужно взрослеть. Поглядишь еще, что через три года будет. Вы насовсем или как?

— Вроде да... Подожди, тебе сейчас сколько? Лет четырнадцать-пятнадцать?

— Где-то так. — Девчонка задумалась. — А мы вчера думали, что за шум на весь двор, предки решили, что вашу квартиру обносят, и запретили выходить. Сам-то как?

— Терпимо. — Я пожал плечами. — Постой, Алиса, а ты почему не в школе?

— Ох, Шефер... — Девчонка покачала головой. — Ты на календарь сегодня смотрел?

— Точно, — вспомнил я. — Воскресенье. Тогда уроки иди учи.

— Так учу, — вздохнула соседка. — С обществоведением задолбали, никак в голове не закрепляется.

— А что там сложного? Вот смотри, Алиса, мы с тобой живем в эпоху развитого социализма, а они, на Западе, — в эпоху гнивающего капитализма. Главное, не перепутать. А больше знать ничего не надо. Партия, дай порулить, все такое. У соседей все в порядке? — Я обвел глазами подъезд.

— Да, живем. — Алиса сделала неопределенный жест. — Тут по-прежнему Тихомировы. — Она указала большим пальцем себе за спину. — Там, — кивнула на третью дверь, — те же Махсудовы. Мои

родичи так и не развелись — я им памятник поставлю, когда вырасту. У Махсудовых тоже все нормально. Рахимке был год, когда вы уехали, теперь семь, учится во дворе матом разговаривать. Слушай, мне жаль, что твоя бабушка умерла...

— Мне тоже, — кивнул я. — Что поделаешь, каждому свой срок. Ладно, Алиса, забегай, когда уроки сделаешь. Родители будут рады, да и Светка на стену лезет, утешь ее.

— Хорошо, забегу. Далеко собрался-то?

— Да так, налетела грусть...

— Ну что ж, пойди, пройдишь. — Девчонка усмехнулась. Помялась и добавила: — Шериф.

— Увидимся! — крикнул я.

— Да уж, надеюсь...

Игнорируя лифт, я спускался по лестнице и размышлял о превратностях судьбы и человеческих погонял. Что за долбанутая фамилия досталась! Немцев в родне не помню, если были, то давно. А в школе и по жизни как без клички? Обычно извращали фамилию, а как мою еще извратишь? Шифер? За это, извините, можно и по морде... Так что звали Шерифом. Так же называли в институте, в армии. Жить особо не мешало, и стыдно признаться — где-то в глубине души мне нравилась моя погремуха...

Я вышел на улицу, сунул в зубы сигарету. Надеюсь, прилично выглядел. С зарплаты в НИИ купил на барахолке короткую куртку из мягкой замши — был доволен, еще не затаскал. Добыть